

Елена Владимировна Кузнецова,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–90)
e-mail: boiling-point@list.ru.

О, Дивный новый мир: постижение постмодернизма в русской философской публицистике (2010–2012 гг.)

Философская публицистика – это публицистика с чётко обозначенной мировоззренческой позицией автора, рассматривающая актуальные проблемы современности под углом основных вопросов бытия и мышления. В отечественной традиции такие тексты, от которых в середине XIX в. отпочковалась академическая философия, играют особую роль, дополняя и обогащая философию жизненным материалом.

В статье анализируется, каким образом в современной философской публицистике происходила рецепция понятия «постмодернизм». Выясняется, что к началу 2010-х гг. сложилась традиция стойкого неприятия этого явления и стоящих за ним социальных и эстетических практик. Однако проведённая в 2012 г. в «Литературной газете» дискуссия существенно изменила расклад сил. Часть публицистов высказали уверенность, что постмодерн в состоянии самостоятельно систематизировать наиболее страшное из собственных порождений – хаос, стать площадкой для изобретения новых смыслов и идеалов. В результате вместо фаталистически осмысленного «бесконечного тупика» постмодернизм предстал в виде своего рода энтелехии, самодвижущейся сущности, проблемы, решение которой кроется внутри нее самой. При этом особая роль отводилась постмодернистской эстетике, призванной стать средством борьбы с современной жизненной практикой, победить массовую культуру.

Полемика позволила раскрыть одну из важнейших функций философской публицистики – прогностическую. При этом сопоставление философско-публицистических и профессионально-философских текстов дало основания предположить, что в них использовались разные методы прогнозирования. Философы предпочитали создавать сценарий или модель грядущих событий, применяя рационалистические научные инструменты. Публицисты активно задействовали интуицию, прибегали к более поверхностному поисковому прогнозу, а также вживляли в ткань общества свои идеалы с помощью нормативного прогноза.

Ключевые слова: публицистика, философия, философская публицистика, журналистика, Россия, постмодернизм, прогноз.

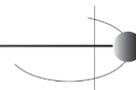
Elena Vladimirovna Kuznetsova,
Postgraduate Student,
St. Petersburg State University
(7–90 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034)
e-mail: boiling-point@list.ru.

Oh, Brave New World: Understanding of Postmodernism in the Russian Philosophical Publicism (2010–2012)

The paper is devoted to the Russian phenomenon with a hardly translatable name “philosophical publicism”. Among the nearest analogues to it in Western culture there are “philosophical essays”, “philosophical journalism”, “intellectual journalism” and even “public philosophy”.

Philosophical publicism studies current social problems from a perspective of fundamental questions of being and thinking. Such texts gave a rise to philosophy in Russia in the mid-19th century. Having given a start to academic philosophy such texts play a special role supplying and enriching philosophy with true-life material in the 21st century.

The author of the paper analyses philosophical perception of the term “postmodernism” from 2010 to 2012. It turns out that strong rejection of this phenomenon and its aesthetic and social outcomes existed at the beginning of the 2010s. However in 2012 newspaper “Literaturnaya Gazeta” started a discussion that seriously altered the understanding of the term in question. A group of publicists claimed the ability of postmodernism to take over its own major outcome – chaos and become a new ground for invention of new values and meanings. Consequently, they stopped understanding postmodern as a fatalistic “endless deadlock” and started explaining it as a sort of entelechy or a problem that contains its own solution. Meanwhile, publicists laid big hopes on postmodern aesthetics, which could fight with mass culture and contemporary practices of every day life.

The discussion allowed philosophical publicism to realize one of its main functions – prognostic one. Comparison of articles in “Literaturnaya Gazeta” with professional philosophy gives the idea that authors of the mentioned texts used different methods of forecasting. Philosophers preferred to create exact scenario or model of future events, using rational scientific instruments. Publicists engaged intuition and rough exploratory forecasting. They also “implanted” their ideals into social mind by normative forecasting.

Key words: publicism, philosophy, philosophical publicism, journalism, Russia, postmodernism, forecasting.

Рассуждения о том, что современное российское общество не приемлет постмодернизм, давно уже стали общим местом. Постмодернизм¹ «безоснователен», «циничен», «лишен идеалов», «ставит форму выше содержания». Список можно продолжать.

Однако если ситуация настолько безрадостна, то где и когда будет найден из нее выход? По каким законам станет функционировать общество, которое мы получим в результате? Обозначенные проблемы назрели и требуют разрешения. Об этом свидетельствует содержание современной российской философской публицистики². Именно оно стало объектом изучения. Предметом послужили футурологические построения, фигурирующие в статьях.

Актуальность предпринятого исследования объясняется точностью прогнозов философской публицистики [8, с. 102]. Порой они сбывались безошибочно (вспомним историю «Вех») и не безболезненно для российского общества. Прислушаться к доводам философских публицистов значит, если не избе-

¹ Чтобы не вступать в спор о соотношении терминов «постмодернизм» или «постмодерн», мы будем употреблять их как синонимы. Это необходимо, чтобы избежать многочисленных отступлений при комментировании статей философских публицистов, которые не всегда различают эти понятия. «Постмодернизм» мы вслед за автором Новой философской энциклопедии Е. В. Петровской понимаем широко – как «тенденции, проявившиеся в культурной практике и самосознании Запада в течение /.../ последних десятилетий» (Петровская Е. В. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия в 4-х т. М., 2001. Т. 3. С. 297), со свойственными им децентрализацией, плюрализмом, цитатностью, текстоцентризмом.

² «Философская публицистика» – публицистика с четко обозначенной мировоззренческой позицией автора, рассматривающая актуальные проблемы современности под углом основных вопросов бытия и мышления. (Подробное см.: Прохоров Е. П. Искусство публицистики: размышления и разборы. М., 1984. С. 208, 215; Семенова А. Л. Русская философская публицистика начала XX века: утопия радикального обновления / науч. ред. Г. В. Жирков. Великий Новгород, 2010. С. 17–19). В дальнейшем мы будем разграничивать философскую публицистику и «институциональную», или профессиональную философию. Философское содержание и той, и другой очевидно, однако первую отличает мощное политико-социальное основание и специфический вектор движения мысли: от сегодняшнего – к вечному, от частного – к общему, от современного – к вневременному.

жать исторических просчетов, то, по крайней мере, более объемно понять архитектуру современности и её возможных продолжений.

Рождение и смерть. С термином «постмодернизм» («постсовременность») жителей Советского Союза познакомил философ А. В. Гулыга. В 1988 г., вернувшись из Германии, он сообщил о возникновении этого явления, которое активно обсуждали зарубежные интеллектуалы. «Еще в прошлом году мне никто толком не мог объяснить, что это такое. Ныне я сижу, обложенный книжными новинками /.../, стараясь читать только самое существенное» [6, с. 155], – писал он.

Факт, что постмодернизм прижился и комфортно чувствует себя на российской почве, зарегистрировала философская публицистика. Об этом в 1991 г. в журнале «Знамя» заявил литературовед, культуролог М. А. Эпштейн. В статье «После будущего. О новом сознании в литературе» он отметил: постмодернизм оказался на удивление «родственным и давно предназначенным» распадающемуся Советскому Союзу. Действительность, наполненная симулякрами и умолчаниями, подтолкнула возникновение соответствующей – «усталой» и «арьергардной» – литературы. Писатели отказались от социального пафоса и служения, предпочтя им «дисциплину чувственности» [22, с. 229, 218, 228].

В некотором смысле эта работа стала канонической для отечественной философской публицистики. Последователи репродуцировали сам подход Эпштейна: рассматривая постмодерн как литературное явление, прослеживали связи с порождающей его жизненной практикой. В результате предметом анализа становились не только эстетика или социальные особенности постмодернизма, а его культура в целом. И мировоззрение носителей этой культуры.

В конце 1990-х – начале 2000-х М. А. Эпштейн вместе с другими критиками и литературоведами [9] отметил попытки похоронить постмодернизм. В 2001 г. он сравнил взрывы во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке с самоубийством постмодернист-

ского мировоззрения, «утратившего границу между свободой – и всеприятием, разнообразием – и уравнильством» [23, с. 480]. По предположению философа, на смену пост-периода человеческой истории пришел «про-то-период», когда «размягчаются контуры настоящего» [24], и начинает вырисовываться будущее – освобожденное и от тоталитарных утопий, и от радикальной всеприимности.

Новое рождение. Постмодернизм, однако, оказался, скорее, жив, чем мертв. Это доказывают публикации, появившиеся в «Литературной газете» в начале текущего десятилетия. В 2010 г. влиятельный критик Л. В. Пирогов попытался построить собственную концепцию постмодерна, который понял как «реакцию человека на мироздание, лишённое Замысла». Рецензируя книгу Л. В. Сафроновой «Постмодернистский текст: поэтика манипуляции», автор заявил: «Постмодерновая культура не умерла, но стала чем-то вроде болезни, с которой настолько сроднилось общество, что перестало замечать ее». «Христианской цивилизации модерна постмодерн противопоставил языческое мировоззрение, линейное время сделал циклическим», – отметил публицист.

«Главное событие в жизни дикаря и животного – то, которое происходит сейчас, потому что “сейчас” – это и есть “всегда”. /.../

Жизнь происходит сию минуту, ты ничего не можешь отложить на потом, ничем не можешь пожертвовать. /.../ Не можешь измениться в будущем, которого нет»¹, – рассуждал Пирогов.

Трансформировалось понимание абсолюта (в его качестве ранее выступал Бог, а теперь функции высшей силы распределены между всеми атомами социального космоса), и, как следствие, философия авторствования. Писатели не желают добиваться божественного признания, менять «что-то в себе и в мире». «Они стремятся к “причастности ко всем”, популярность выступает “важнейшим символическим выражением власти”», – заключил Пирогов.

Его мысли о дальнейшем развитии ситуации оказались неконкретными, однако обладали некоторыми свойствами прогноза, обозначенного теоретиком журналистики В. А. Сидоровым как «поисковый». Пирогов «здесь и сейчас строил модель того, что произойдет там и потом», не навязывая читателю программы действий для достижения этой цели [20, с. 63]. «И всё же приятно думать, что когда-нибудь Постмодерн (в соответствии со своей циклической моделью хотя бы) закончится. Жаль только, жить в эту пору прекрасную... Хотя как знать. Всё бывает», – завершил статью Пирогов.

Таблица 1

Постмодернизм: концепция Л. Пирогова

	<i>Модернизм</i>	<i>Постмодернизм</i>
Время	Линейное, устремлено вперед	Циклическое
Характер общества	Христианское	Языческое
Хозяин жизни	Бог	Функции Бога формально распределены между всеми атомами социального космоса: «Возможно всё, что угодно всем»
Смысл творчества	Божественное признание, попытка изменить что-то в себе и в мире	Популярность как важнейшее выражение причастности всем и власти над всеми
Определение: «Постмодернизм – это реакция человека на мироздание, лишённое Замысла»		
Прогноз: «И всё же приятно думать, что когда-нибудь Постмодерн /.../ закончится»		

Иной взгляд высказала прозаик, главный редактор интернет-журнала «Молоко» Л. А. Сычева. В 2011 г. она опубликовала работу под названием «Венец творения в свободном падении» – отчет о конференции «Вера, надежда, любовь в российской семье». Здесь писательница предложила «физиологическую» трактовку современности. Постмодернизм, по мнению Сычевой, стал главным продуктом эпохи Просвещения,

когда человек до того «механизировался», что полностью лишился животного начала, а вместе с ним – и близости к Богу.

«У человека машинного нет чувства исторического времени, нет патриотизма /.../, нет и вообще любви /.../ зато есть информированность – обо всём и ни о чём /.../. Постмо-

¹ Пирогов Лев. Постмодернисты, Сталин дал приказ // Литературная газета. 2010. 20 января. № 1. С. 6.

дернизм – это даже не отрицание Бога, свойственный ярим атеистам, это невозможность веры в него»¹, – ставила диагноз Сычева.

Литератор нашла в постмодернизме черты «женской» цивилизации, которой противопоставила традиционную «мужскую». «Кажется, что мужчины нынешнему мироустройству не нужны – территории освоены, войны отгремели /.../. Женская цивилизация – цивилизация комфорта, потребления, богатства, довольства, домовитости, порока и пресыщения. Цивилизация, в которой мужчины – неразумные мальчики, дети, блудные сыны», – описывала Сычева.

С ее точки зрения, постмодернизм обречен на исчезновение – вместе с его носителями. Их смоят с лица земли более молодые восточные цивилизации, не утратившие природных инстинктов. Россия оказалась в промежуточном положении между Европой и Азией в качестве «территории борьбы традиции и постмодернизма, смысла и симулякра, человека природного и биоробота». От выбора соотечественников зависит их историческое будущее, поэтому читателям рекомендованы традиционные ценности. «Чтобы выжить в эру постмодернизма, надо иметь крепкую голову и большую семью», – заключила писательница.

Таблица 2

Постмодернизм: концепция Л. Сычевой

	<i>Традиционное общество</i>	<i>Постмодернизм</i>
Центральные черты цивилизации	Мужественность, естественность, физиологичность, пассионарность, стремление к смыслу	Женственность, механизированность, экономия ресурсов, распространение симулякров
Субъект	Человек природный, естественный	Биоробот, человек машинный
Компетенции субъекта	Любовь, вера в Бога	Информированность
Определение: Постмодернизм – «концентрированное выражение женственности нынешней европейской цивилизации», продукт Нового времени, связанный с потерей человеком своего физиологического основания		
Прогноз: Постмодернизм падет под натиском молодых восточных цивилизаций, не утративших физиологического начала. У России, находящейся в промежуточном положении между постмодерном и традиционным обществом, есть шанс выжить, если она выберет традиционные ценности		

Гибель постмодернизма, таким образом, казалась предопределенной и неизбежной – в этом публицисты сошлись. Но когда и как произойдет столь значимое событие? – здесь согласия уже не наблюдалось. Меньше ясности обнаруживалось и в вопросе об особенностях общества, которое сбросит с себя постмодернистский покров.

Дискуссия-2012. Прогностический аспект философско-публицистических выступлений усилился в 2012 г., когда «Литературная газета» провела дискуссию «Постмодернизм: 20 лет спустя». Она с запозданием отметила двадцатилетие со дня выхода первой статьи М. Н. Эпштейна о постмодерне. Инициировавший прения отдел литературы «ЛГ» призывал коллег к «спокойному общефилософскому анализу феномена постмодернизма» и выражал готовность «дать слово всем заинтересованным сторонам, невзирая на лица»². На разборе данной дискуссии мы остановимся подробнее.

Она длилась с января по сентябрь 2012 года и собрала 23 выступления, около 20 из которых можно маркировать как философскую публицистику. Авторами стали литературные критики, философы, журналисты, ученые, писатели из разных регионов России. Большинство из них объединило скептическое отношение к постмодерну, свойственное и некоторым представителям западной постмодернистской философии [4]. Все эпитеты, адресованные постмодернизму, перечислять не будем – это не входит в задачу исследования. Для характеристики эмоциональной стороны спора отметим только, что обозреватель «ЛГ» В. И. Шемшученко назвал постмодерн «дурилкой картонной»³, журналист В. Рокотов – «утилем» и «творчеством обезьян»⁴.

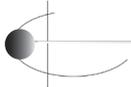
С эстетической точки зрения посткультуре вменяли в вину смакование насилия, тем «человеческого низа». Стремление к популярности, оттеснение смысла на второй план под влиянием языковой игры также зачитывалось против постмодерна. В мировоз-

¹ Сычева Лидия. «Венец творения» в свободном падении // Литературная газета. 2011. 10 августа. № 32–33. С. 9.

² Отдел литературы. Среди отвергнутых могил // Литературная газета. 2012. 18 января. № 1–2. С. 5.

³ Шемшученко Владимир. Дурилка картонная // Литературная газета. 2012. 1 февраля. № 4. С. 5.

⁴ Рокотов Валерий. Чапаев и простота // Литературная газета. 2012. 18 июля. №. 29. С. 5.

зренческом плане его характеризовали «расслабленностью» и бессмысленностью. Однако в качестве центральной черты постмодернизма публицисты отметили хаотичность. По наблюдениям профессора Иркутского государственного лингвистического университета В. П. Даниленко, «сущность постмодернизма очень проста. Она состоит в хаотизации представлений о мире. Главный критерий /.../: есть хаос – есть постмодернизм, нет хаоса – нет постмодернизма»¹.

Размышления о хаосе встречались более чем в десяти сочинениях, причем именно отношение к нему, по нашему мнению, определило позиции участников спора. Среди них можно выделить две главенствующих группы: члены одной выражали абсолютную неготовность принять хаос, другие же верили – беспорядочность постмодерна при определенных условиях может принести пользу. Также имелись две группы дополнительные, о которых будет сказано ниже.

Неприятие. В составе первой группы (назовем ее «не принимающие хаос») выступили В. П. Даниленко, Л. В. Пирогов, В. Рокотов, В. И. Шемшученко, А. Медведев, А. М. Мелихов, И. И. Рейдерман, В. Г. Куприянов, С. Г. Замлелова. Они продемонстрировали абсолютную неготовность примириться с постмодернизмом, признать хотя бы отдельные его положительные черты.

Хаос постмодерна отличается от хаоса, описанного классической русской литературой, неумением ясно распределить свет и тени, полагали эти авторы: из оппозиций «света–тьма» современность полностью исключает свет. Достоевский вел своих героев от безумия к просветлению, а нынешние писатели насаждают безальтернативные «абсурд, нонсенс, ненормальность», приводил примеры журналист А. Медведев. «Свобода от оков здравого смысла приводит к реальным оковам»², – предупреждал он.

«Теоретики постмодернизма учат абстрагироваться от реальности и предаваться играм со знаками. /.../ Художник отказался от всяких тайн. Он больше не предлагает читателю откровений»³, – сетовала писательница почвенной ориентации С. Г. Замлелова.

Примечательно, что прогноз из большинства работ «антихаотиков» был исключен.

¹ Даниленко Валерий. Есть хаос – есть постмодернизм // Литературная газета. 2012. 8 февраля. № 5. С. 5.

² Медведев Александр. Дай мне Бог сойти с ума! // Литературная газета. 2012. 3 мая. № 18. С. 5.

³ Замлелова С. Прометей – Иоанн – Иуда, или Утрата бытия // Литературная газета. 2012. 1 августа. № 31. С. 5.

Публицисты давали понять, что не способны предположить, когда окончится эра постмодерна. В этом плане новейшее течение сравнивали с реализмом и романтизмом, создавшими специфические культурные «ситуации», то обостряющиеся, то уходящие в тень с течением времени. «Постмодернизм, однажды возникнув, будет теперь жить долго»⁴, – обрисовывал горизонты возможного Л. В. Пирогов в статье «Мальчик был, есть и хочет есть». С ним солидаризировался поэт И. И. Рейдерман. «**Ситуация постмодерна**, в которой все мы живём, никуда не исчезла. Она диктует “игру на понижение” как универсальную стратегию /.../. А это значит, что становятся неуместными высокое слово, поэтический пафос, вера, надежда и тому подобное»⁵, – отмечал он.

Не приемлющие хаос, однако, высказывали и основания для оптимизма. «Хотя ситуацию постмодерна невозможно отменить, ее можно ослабить», – надеялись они. Для этого нужно применить универсальное лекарство простоты, скреплявшее еще советскую цивилизацию. Под простотой понималось умение с открытым забралом защищать вечные ценности, противостоять формалистическим тенденциям, предпочитать общественные интересы индивидуальным. «А чем его (постмодернизм – прим. авт.) известить? Да всё тем же самым: “наивностью”, “звериной серьёзностью”, “пошлостью” – всем тем, от чего положено сегодня нос воротить», – советовал Л. В. Пирогов.

Таким образом, авторы-«антихаотики», используя инструменты поискового прогноза, предрекли обществу постмодерна необозримую долгую жизнь. Вместе с тем, они рассчитывали ослабить ситуацию постмодернизма с помощью простоты, и в данном случае применили прогноз нормативный.

Полунеприятие. Близкие, но не аналогичные убеждения транслировало небольшое объединение литературных критиков (Е. А. Ермолин, С. А. Баталов), **не одобрявших** эстетики постмодернизма, однако полагавших: под влиянием новых жизненных реалий она уже сходит на нет. Такие прогнозы основывались на включении постмодерна в политический контекст – его воспринимали как выражение разрухи 1990-х годов и мецанской беспринципности 2000-х.

⁴ Пирогов Лев. Мальчик был, есть и хочет есть // Литературная газета. 2012. 15 февраля. № 6. С. 5.

⁵ Рейдерман Илья. Хитиновый покров постлитературы // Литературная газета. 2012. 16 мая. № 19 – 20. С. 5.

Так, Е. А. Ермолин объявил в статье «Поминки по постмодернизму», что «постмодернизм в России скорее мёртв, чем жив. Как спетая песня: больше не зажигает»¹. По соображениям публициста, черту под бытием этого течения подвели политические протесты «неморозного, ростепельного декабря 2011-го», поддержанные новым литературным движением «трансавангарда». С. А. Шаргунов, Е. Н. Георгиевская и другие молодые прозаики «осознали и выразили истину», опираясь на «идеалы новой серьёзности, пафос ответственности и ангажемента, долга и миссии». «Мы угадываем здесь /.../ наличие недостижимого, непостижимого, но несомненного Неба. Неба души. Угадываем серьёзность вопроса, обращённого не столько вверх /.../, сколько вглубь», – подчеркнул Ермолин.

С. А. Баталов провел демаркационную линию между постмодернизмом и постпостмодернистской литературой по критериям «смысл» – «отсутствие смысла», «безыдеальность» – «поиски новых идеалов». «Сейчас другое время. Время мучительного осознания большой страной самой себя. /.../ Время больших идей, публицистики и дискуссий в интернет-блогах, пафоса. Литераторы стали предельно серьёзны»², – резюмировал критик.

Полуприятие. Теперь рассмотрим, о чем писала другая влиятельная группа мыслителей (А. В. Татаринов, А. Зенкин, В. Г. Бондаренко, А. Мамукина), которых мы условно назовем «почти принимающие хаос». Их отношение к постмодерну, пожалуй, точнее всего можно описать словами Гете о Мефистофеле: он – «часть той силы, что без числа творит добро, всему желая зла» [5]. Или метким выражением читателя «ЛГ» Г. Руколадова, рассудившего: «Со всякой нивы можно собрать урожай, если сочетать традиционное земледелие с новыми методами повышения плодородия почв»³.

Публицисты этого склада уверены: в слабостях постмодерна может крыться его сила, в хаотичности и бессмысленности при желании можно найти почву для поиска идеалов и установления порядка. При этом особые надежды возлагались на постмодернистскую эстетику. Именно она призвана стать главным

инструментом борьбы с постмодернистской практикой, «систематизировать творящийся в стране хаос»⁴.

Здесь можно выделить несколько изгибов мысли. Так, доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы Кубанского государственного университета А. В. Татаринов уповал, что постмодернизм начнет вместе с реализмом бороться с массовой культурой, «агрессивной по отношению к любому искусству». А. А. Проханов и В. О. Пелевин, В. Г. Сорокин и Г. У. Садулаев выступят единым фронтом против «грядущего хама», который «грозит вывести прозу, поэзию и драматургию из набора необходимых культурных ценностей», надеялся профессор.

«Пожалуй, главный грех постмодерна – неоправданное усложнение повествования при радикальном упрощении восприятия души, – рассуждал Татаринов. – Но это не значит, что так всегда и у всех. В самых сильных образцах русский постмодернизм не перестает быть особой – ледяной – метафизикой, в рамках которой решаются и религиозные, и историософские проблемы»⁵. Поэтому Татаринов предостерегал коллег от мифологизации постмодерна. Она превратит неоднозначное явление в «удобного дьявола, который всегда под рукой и молчаливо принимает на себя ответственность за все наши провалы, за безволие и поражения на разных фронтах последних десятилетий».

Иные основания для жизнеутверждающих выводов отыскивали философ А. Зенкин и литературный критик, замредактора газеты «Завтра» В. Г. Бондаренко. В их понимании, постмодернизм был необходим в качестве средства эстетической реабилитации в годы безвременья, наставшего в конце XX века в европейском и постсоветском пространствах.

Обыгрывая моменты из минувшей жизни, забавляясь с литературными и историческими реминисценциями, постмодернисты помимо своей воли становились «собираателями камней», коллекционировали лучшие артефакты Советской империи, воспроизводили высшие достижения мировой словесности. «Из груды обломков постмодернисты достают кто бессмертного комдива Чапаева, кто “хорошего Сталина”, кто чекистов, кто ту же самую женщину с веслом»⁶, – описывал В. Г. Бондаренко. «Модернизм и постмодер-

¹ Ермолин Евгений. Поминки по постмодернизму // Литературная газета. 2012. 25 января. № 3. С. 5.

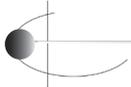
² Баталов Сергей. «Нулевые» и обнуление // Литературная газета. 2012. 27 июня. № 27. С. 5.

³ Руколадов Геннадий. Где ж вы, где ж вы, очи карие? // Литературная газета. 2012. 8 февраля. № 5. С. 5.

⁴ Бондаренко Владимир. Жрецы русского постмодерна // Литературная газета. 2012. 12 сентября. № 36. С. 4.

⁵ Татаринов Алексей. Что страшнее постмодернизма // Литературная газета. 2012. 22 февраля. № 7. С. 5.

⁶ Бондаренко Владимир. Указ. соч. С. 4.

низм, противоречия и внутренне противостоя классике, на самом деле продолжают попытку развития её задач. Социализм тоже родился из христианства, именно противостоя христианству, а в итоге развивая его же идеи! И это нетрудно понять, ибо цели классики, вообще культуры, глобальные, общечеловеческие»¹, – отмечал А. Зенкин.

Оба выступающих делали оговорку, что постмодерн бывает разный: «хороший» (кропотливо изучает опыт предшественников) и «плохой» (проявляет жажду популярности, насаждает протестные настроения), национально окрашенный (Ю. М. Поляков, А. А. Проханов) или **уничтожительно-либеральный** (В. О. Пелевин, В. Г. Сорокин, Д. Л. Быков). Однако в целом явление имеет потенциал, чтобы вместо падения оказаться «передышкой перед новым взлётом»², вместо отдыха от культуры – «культурой отдыха перед следующим грандиозным этапом созидания гармоничного мира»³.

«Из постмодерна мы рано или поздно выйдем, как старые революционеры, ставшие строителями и охранителями, потеряв надежду на старые истины, но обретая в конце концов новые», – прокламировал В. Г. Бондаренко и даже обещал, что средствами постмодерна можно построить «Дивный новый мир».

Третью точку зрения в рамках «полуприятия» постмодерна развивала журналистка и «сетевая» поэтесса А. Мамукина. Ее концепция основана на ницшеанской философии культуры. Современность проявляет признаки темного дионисийского, а не возвышенного аполлонического начала, но это не повод заниматься ее тотальной критикой, отказавшись от объективности, предписывала автор «ЛГ»: «На пике счастья может раздаться крик ужаса. Но тогда справедливо и обратное: только спустившись по всем кругам ада, можно оказаться на небесах»⁴.

Преобладание дионисийского начала не может длиться вечно, и аполлонические свойства культуры вновь восторжествуют, прогнозировала журналистка. Однако до этого времени нужно достойно дожить. «Может, нам необходимо возвышение не только над пороками и страстями, но и над самими собой?» – выдвигала идею автор статьи. Таким образом, она добавляла к поисковому про-

гнозу (постмодернизм просуществует, сколько необходимо, чтобы завершить его историческую программу и вновь перейти к аполлоническому витку культуры) нормативный: нужно усовершенствовать себя вместо того, чтобы менять сложившуюся общественную парадигму.

Приятие. Последняя группа участников дискуссии (Ф. Вотинцев, Г. Г. Муриков, В. Можегов) поддержала необходимость принять постмодернизм на любых условиях – без косметических улучшений или глобальной перестройки. Постмодерн рассматривался как неизбежный этап человеческого прогресса, наполненный существенными достоинствами. «Смирись, живи внутри своего отрезка времени, не претендуя на преобразование универсума, наслаждайся данным», – примерно такой сигнал адресовали читателям авторы газеты.

Литературный критик Муриков отмечал: «Постмодернизм – в широком понимании этого слова – это стиль и образ жизни в современную эпоху. Сейчас нельзя жить, будучи “реалистом”, а тем более “новым реалистом” в стиле Р. Сенчина и З. Прилепина. /.../ Постмодернизм – /.../ это то, в чём и как мы существуем. Игра слов, игра понятий, жизнь как игра»⁵, – поучал он. Читатель «ЛГ» Ф. Вотинцев предлагал «отделить овец от козлищ» и понять, что постмодернизм не так страшен, как его малюют. «Говоря о вневременье, многие часто забывают об этой двойной формуле, о том, что оно может быть двух видов: во-первых, приближённым к религиозному ощущению вечности /.../, во-вторых, когда оно ничего, кроме сиюминутного, “современного”, не воспринимает. Постмодернизм вроде бы предполагает именно прорыв временных рамок и уход от “моды”»⁶, – реабилитировал объект спора Вотинцев. И заключал: постмодерну не суждено скоро сойти с исторической сцены. Хотя бы в соответствии с народным поверьем: кого заживо хоронят, тот долго живёт.

С оригинальной версией апологетики постмодернизма выступил журналист, сценарист, автор журнала «Континент» В. Можегов. В его понимании, постмодернизм – испытание, спровоцированное высшими силами, чтобы «лишённый всех внешних опор и привычных догм, человек нашёл своё собственное слово». Слово «кризис» не случайно в переводе с греческого означает «суд»: пост-

¹ Зенкин Александр. Создание текста и созидание текстом // Литературная газета. 2012. 25 апреля. № 17. С. 5.

² Бондаренко Владимир. Указ. соч. С. 4.

³ Зенкин Александр. Указ. соч. С. 5.

⁴ Мамукина Анна. Дионис или Аполлон? // Литературная газета. 2012. 30 мая. № 22. С. 5.

⁵ Муриков Геннадий. Что наша жизнь? – Игра // Литературная газета. 2012. 18 апреля. № 16. С. 5.

⁶ Вотинцев Фёдор. За дискурс отвечаете? // Литературная газета. 2012. 29 февраля. № 8. С. 5.

модерн выступил строгим и нелицеприятным судьей, «скептическим и ироничным шутом и жрецом Нового мира». Он, «как первозданный хаос и древний ужас /.../, уже подбирается к ножкам дивана, на котором зевает над свежей газетой /.../ рациональный разум»¹.

«Общество постмодернизма только начинает формироваться, и просуществовать не одно поколение», – пророчил автор. Главным признаком этого строя станет отказ от скомпрометировавших себя рационалистических практик в пользу погружения в «глубины подсознания». «Энергия /.../ станет языком постмодернистского мира. Квантовая теория детерминированного хаоса – его математической основой. Экзистенциализм (постструктурализм?) – его философией», – фантазировал Можегов. Эти подходы позволят собрать воедино пеструю мозаику идеологий постмодерна, дадут общий язык его обитателям. «Пусть Вася Штырь из 2-го подъезда носит красно-белые цвета клуба “Спартак”, компьютерный гений Боб – значок “легалайз канабис” на майке с Че Геварой. /.../ Постмодерн проглотит нас всех, полюбив такими, как мы есть», – размышлял автор статьи.

Впрочем, рано или поздно за стеной постмодерна начнут проступать контуры нового социума, прогнозировал В. Можегов. Уточнений о том, каким он может быть,

в статье не приводилось. Однако журналист не исключал, что особенную роль в его создании сыграет русская творческая элита. «Ведь мы всегда ощущали себя созданными для решения именно последних, эсхатологических вопросов. И, может быть, стать в каком-то смысле /.../ “Ковчегом спасения” для целого мира и есть наша метафизическая судьба? Венедикт Ерофеев, Андрей Тарковский, Иосиф Бродский, Егор Летов – вот имена, открывающие русский космос постмодерна, его метафизические пространства, где всё так “весело и страшно” пульсирует у самых границ Откровения», – обнадеживал публицист.

Взгляды Можегова, а также других авторов, принимающих или «полупринимающих» постмодернизм, оказались достаточно влиятельными. Это доказывает их положение в споре: работа Можегова открыла его 18 января вместе с вводной статьей отдела литературы, реплика Зенкина прозвучала в середине обсуждения – 25 апреля, статья Бондаренко – подвела итоги дискуссии 12 сентября. Представители данного лагеря фактически одержали победу в полемике. Что и неудивительно: они обозначили новые и позитивные грани решения проблемы. Как будто повторяя доводы одного известного политика, они утверждали: нужно изучить своего врага, чтобы бороться с ним. А может быть, осознать, что враг – не враг, а друг.

Таблица 3

Постмодернизм: прогностический аспект дискуссии в «Литературной газете»

Позиция	Постмодернизм			
	Неприятие		Приятие	
Как можно преодолеть постмодернизм	Извне		Ресурсы для борьбы с постмодернизмом содержатся внутри постмодернизма	Не надо искусственно преодолевать постмодернизм
	Полное	Частичное	Частичное	Полное
Представители	В. Даниленко, Л. Пирогов, В. Рокотов, В. Шемшученко, А. Медведев, А. Мелихов, И. Рейдерман, В. Куприянов, С. Замлелова	Е. Ермолин, С. Баталов	1) а) А. Татаринов, б) А. Зенкин, В. Бондаренко, 2) А. Мамукина	Ф. Вотинцев, Г. Муриков, В. Можегов
Понимание постмодернизма	Ситуация	Небольшой период российской истории, последовавший за развалом СССР, и отразившая его эстетика	1) а) – Период развития эстетики; б) «передышка» перед созданием новой культуры; 2) этап в развитии культуры	Исторический этап

¹ Можегов Владимир. Чайник надежды // Литературная газета. 2012. 18 января. № 1–2. С. 5.

Нормативный прогноз: средства борьбы с постмодернизмом	Простота	Утверждение новых-старых идеалов	1) Постмодерновая эстетика преобразует постмодернистскую практику: а) она вместе с реализмом выступит против массовой культуры; б) «соберет камни», разбросанные цивилизациями модерна; 2) Улучшение себя	Метафизические поиски русской творческой элиты ненасильственно преобразуют постмодерн
Поисковый прогноз: когда закончится постмодернизм	Он бесконечен, может только ослабляться	Преодолевается на наших глазах	1) а) Нет прогноза; б) постмодернизм окончится скоро, но конкретный срок не указан; 2) пока культура вновь не войдет в аполлонический виток	Просуществует достаточно долго
Основные характеристики постмодернизма в сравнении с идеальной культурой прошлого и будущего	Прошлое: порядок, смысл, идеалы. Постмодернизм: хаос, бессмысленность, безыдеальность. Будущее: новый порядок, утверждение новых смыслов и идеалов			

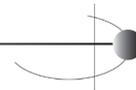
Публицистика и философия. Прежде, чем перейти к выводам, зададимся вопросом: а что же философия институциональная? Ведь она не ограничилась выступлением А. Гулыги и продолжила осмысливать феномен постмодернизма. В таком случае, интересно понять, как соотносилось ее содержание с основным смыслом философско-публицистических работ, что было первичным, а что – вторичным, что оригиналом, а что – слепком с него.

О накоплении усталости от постмодерна российские философы впервые заявили в 1993 году на круглом столе журнала «Вопросы философии» [16, с. 15], но более настойчиво необходимость преодолеть новое течение постулировали в начале прошлого десятилетия. С таким прогнозом, в частности, выступили доктор философских наук, специалист по социологии Ю. М. Давыдов [7] и – в Новой философской энциклопедии – Г. С. Померанц [15].

К середине 2000-х гг. философское сообщество раскололось на два лагеря. Часть Любомудров предположила, что проект постмодернизма еще далек от завершения [3]. Другие говорили о близящейся кончине постмодерна. Описывая происходящие внутри него сдвиги (виртуализация, создание технообразов, «глокализация» сообществ, транс-сентиментализм [12]) философы проявили большую научную точность, чем публицисты. Размышляя о том, что будет дальше, мыслители присоединялись к западной теории постпостмодернизма [25] или выстраивали ее альтернативы. Так, доктор философских

наук В. А. Кутырев убеждал, что заменить постпостмодерн с его античеловечной виртуализацией сможет «универсальный коэволюционизм», располагающий к мирному сосуществованию истинной и виртуальной реальностей [10]. Доктор философских наук А. И. Пигалев склонялся к тому, что постмодерн трансформируется в «контрмодерн», а человечество откажется от технического развития в целях достижения стабильности [14]. Доктор искусствоведения В. Г. Арсланов заявлял, что действенная альтернатива постмодерну уже найдена в теоретических трудах советского философа М. А. Лифшица и художественной практике М. А. Булгакова, О. Э. Мандельштама, А. Т. Твардовского [1]. Сотрудник Уральского отделения РАН Л. Г. Фишман верил, что выбраться из постмодернистской ловушки России поможет «тяга к социальному эксперименту и смелому политическому проектированию» [21, с. 230].

Таким образом, профессиональная философия сосредоточилась на сценарном прогнозе и моделировании, проявив большую тщательность в догадках, во что трансформируется постмодернизм, тогда как философская публицистика с интересом передавала сам механизм трансформации (перестраивающий себя хаос). Предположения философов создавали ощущение терпеливого научного исследования, публицисты же демонстрировали интуитивизм прозрений. Наслаивая поверх пунктирных элементов поискового прогноза нормативный, они выясняли, как следует действовать, чтобы бездуховная эпоха постмодернизма окончилась.

При этом философская публицистика обнаружила независимость как от отечественных, так и от западных философских теорий. Вобрав их суть, она вольно использовала соответствующую терминологию («симулякр», «ризомность», «плюрализм») без ссылок на источники, обошла вниманием новейшую концепцию постпостмодернизма. Этот факт лишь отчасти можно объяснить недоинформированностью публицистов, многие из которых обладали бесспорной образованностью или научными степенями. Речь идет о желании понять ситуацию изнутри, произвести независимые измерения на весах собственной совести. То есть вновь об интуиции – родовом инструменте журналистики [19, с. 105, 108], близком, впрочем, и философии. Неслучайно Н. О. Лосский считал интуицию третьим путем гносеологии, позволяющим преодолеть односторонность рационализма и эмпиризма [11, с. 194], а Н. А. Бердяев называл «симпатическим вживанием, вникновением в мир, в существо мира» [3, с. 34].

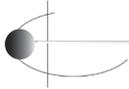
Итак, рецепция понятия «постмодернизм» и стоящих за ним социальных и эстетических практик длится в российской философской публицистике с 1991 года. За это время постмодерн, чьи завоевания воспринимаются настороженно, несколько раз был по-

хоронен, однако возрождался в философско-публицистическом дискурсе. В 2012 году «Литературная газета» провела полемику, изменившую расклад сил. Тотальному неприятию постмодернизма она противопоставила политику частичного или полного его приятия. Вместо «бесконечного тупика», гнетущей ситуации хаоса постмодернизм предстал в виде энтелехии, самодвижущейся сущности, проблемы, решение которой кроется внутри нее самой. Часть публицистов уверяли, что постмодерн в состоянии сам систематизировать наиболее страшное из своих порождений – хаос. Особая роль отводилась постмодернистской эстетике, призванной побороть современную жизненную практику, победить массовую культуру, сохранить ценные (и ценностные) артефакты ушедших эпох.

Сопоставление философско-публицистических и профессионально-философских текстов приводит к выводу, что в них использовались разные методы прогнозирования. Философы предпочитали создавать сценарий или модель грядущих событий. Публицисты прибегали к более поверхностному поисковому прогнозу и вживляли в ткань общества свои идеалы с помощью прогноза нормативного, а также активно применяли интуицию.

Список литературы

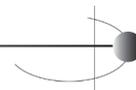
1. Арсланов В. Г. Постмодернизм и русский «третий путь»: *tertium datu* российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007. 656 с.
2. Бердяев Н. Смысл творчества. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 414 с.
3. Богатырева Е. А. Завершен ли «проект» постмодерна? // *Вопр. философии*. 2009. № 8. С. 56–65; Емелин В. А. Постмодернизм: проблемы и перспективы // *Постмодерн. Культура и философия*. URL.: <http://postmodern.in.ua/?p=1184> (дата обращения: 10.04.2014).
4. Бодрийяр Жан. Прозрачность зла / Перев. с франц. Л. Любарской и Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. 258 с.; Он же. Симулякры и симуляция / Перев. О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
5. Гете И. В. Фауст / Собр. соч.: в 10 т. «Фауст» / Пер. с нем. Б. Пастернака, под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Худож. лит., 1976. Т. 2. С. 50.
6. Гулыга А. В. Что такое постсовременность // *Вопр. философии*. М., 1988. № 12. С. 153–159.
7. Давыдов Ю. М. Патологичность «состояния постмодерна» // *Социс*. 2001. № 11. С. 3–12.
8. Зеленина Е. В. Философская публицистика: ценностно-смысловые аспекты // *Вопр. теории и практики журналистики*. 2013. № 1. С. 100–110.
9. Иванова Н. Жизнь и смерть симулякра в России // *Дружба народов*. 2000. № 8. С. 187–196; Она же. Преодолевшие постмодернизм // *Знамя*. 1998. № 4. С. 193–204; Басинский П. Проплаченная культура // *Октябрь*. 1999. № 2. С. 188–190.
10. Кутырев В. А. Философия Иного, или небытийный смысл трансмодернизма // *Вопросы философии*. 2005. № 12. С. 3–19.
11. Лосский Н. О. Интуитивизм // Лосский Н. О. Учение о перевоплощении; Интуитивизм. М.: Прогресс, 1992. С. 136–206.
12. Митрошенков О. Что придет на смену постмодернизму? // *Свободная мысль*. 2013. Март. № 3. С. 125–131.
13. Петровская Е. В. Постмодернизм // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 297.*
14. Пигалев А. И. Постмодернистская апокалиптика как упреждающее обновление цивилизационного проекта // *Вопр. философии*. 2011. № 5. С. 30–40.

15. Померанц Г. С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 297–298.
16. Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 1993. № 3. С. 3–27.
17. Прохоров Е. П. Искусство публицистики: размышления и разборы. М.: Советский писатель, 1984. 360 с.
18. Семенова А. Л. Русская философская публицистика начала XX века: утопия радикального обновления / науч. ред. Г. В. Жирков. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. 296 с.
19. Сидров В. А. Прогностика в современных СМИ: ценностный анализ прошлого и поиск идеалов // *Журналистика в мире политики: модель для будущей России* / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. СПб., 2011. С. 63–76.
20. Сидоров В. А. Прогноз в журналистике: учеб. пособие. СПб.: Факультет журналистики СПбГУ, 2001. 123 с.
21. Фишман Л. Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 236 с.
22. Эпштейн Михаил. После будущего. О новом сознании в литературе // *Знамя*. 1991. Январь. № 1. С. 215–230.
23. Эпштейн М. Н. Взрыв, а не всхлип // Эпштейн М. Н. Все эссе: в 2 т. Из Америки. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 3. С. 477–480.
24. Эпштейн М. Будущее после «будущего» // *Вeer будущего. Техно-гуманитарный вестник под редакцией Михаила Эпштейна и Алексромы*. URL: http://www.veer.info/01/v1_bud.html (дата обращения: 04.05.2014).
25. См., напр.: Gans E. The Post-Millennial Age // *Anthropoetics: the Journal of Generative Anthropology*. 2000. June, 3. URL: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw209.htm> (дата обращения: 10.04.2014).

References

1. Arslanov V. G. Postmodernizm i russkii «tretii put'»: tertium datu rossiiskoi kul'tury XX veka. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 656 s.
2. Berdyaev N. Smysl tvorчества. M.: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2010. 414 s.
3. Bogatyreva E. A. Zavershen li «proekt» postmoderna? // *Vopr. filosofii*. 2009. № 8. S. 56–65; Emelin V. A. Postmodernizm: problemy i perspektivy // *Postmodern. Kul'tura i filosofiya*. URL.: <http://postmodern.in.ua/?p=1184> (data obrashcheniya: 10.04.2014).
4. Bodriyar Zhan. Prosrachnost' zla / Perev. s frants. L. Lyubarskoi i E. Markovskoi. M.: Dobrosvet, 2000. 258 s.; On zhe. Simulyakry i simulyatsiya / Perev. O. A. Pechenkinoi. Tula: Tul'skii poligrafist, 2013. 204 s.
5. Gete I. V. Faust / Sobr. soch.: v 10 t. «Faust» / Per. s nem. B. Pasternaka, pod obshch. red. A. Aniksta i N. Vil'monta. Khudozh. lit., 1976. T. 2. S. 50.
6. Gulyga A. V. Chto takoe postsovremennost' // *Vopr. filosofii*. M., 1988. № 12. S. 153–159.
7. Davydov Yu. M. Patologichnost' «sostoyaniya postmoderna» // *Sotsis*. 2001. № 11. S. 3–12.
8. Zelenina E. V. Filosofskaya publitsistika: tsennostno-smyslovye aspekty // *Vopr. teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2013. № 1. S. 100–110.
9. Ivanova N. Zhizn' i smert' simulyakra v Rossii // *Druzhba narodov*. 2000. № 8. S. 187–196; Ona zhe. Preodolevshie postmodernizm // *Znamya*. 1998. № 4. S. 193–204; Basinskii P. Proplachennaya kul'tura // *Oktyabr'*. 1999. № 2. S. 188–190.
10. Kutyrev V. A. Filosofiya Inogo, ili nebyitiinyi smysl transmodernizma // *Vopr. filosofii*. 2005. № 12. S. 3–19.
11. Losskii N. O. Intuitivizm // Losskii N. O. Uchenie o perevoploshchenii; Intuitivizm. M.: Progress, 1992. S. 136–206.
12. Mitroshenkov O. Chto pridet na smenu postmodernizmu? // *Svobodnaya mysl'*. 2013. Mart. № 3. С. 125–131.
13. Petrovskaya E. V. Postmodernizm // *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. M.: Mysl'*, 2010. Т. 3. С. 297.
14. Pigalev A. I. Postmodernistskaya apokaliptika kak uprezhdayushchee obnovenie tsivilizatsionnogo proekta // *Vopr. filosofii*. 2011. № 5. S. 30–40.
15. Pomerants G. S. Postmodernizm // *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. M.: Mysl'*, 2010. Т. 3. С. 297–298.
16. Postmodernizm i kul'tura: materialy «kruglogo stola» // *Vopr. filosofii*. 1993. № 3. С. 3–27.
17. Prokhorov E. P. Iskusstvo publitsistiki: razmyshleniya i razbory. M.: Sovetskii pisatel', 1984. 360 s.

18. Semenova A. L. Russkaya filosofskaya publitsistika nachala XX veka: utopiya radikal'nogo obnoveniya / nauch. red. G. V. Zhirkov. Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2010. 296 s.
19. Sidrov V. A. Prognostika v sovremennykh SMI: tsennostnyi analiz proshlogo i poisk idealov // Zhurnalistika v mire politiki: model' dlya budushchei Rossii / red.-sost. I. N. Blokhin, S. G. Korkonosenko. SPb., 2011. S. 63–76.
20. Sidorov V. A. Prognoz v zhurnalistike: ucheb. posobie. SPb.: Fakul'tet zhurnalistiki SPbGU, 2001. 123 s.
21. Fishman L. G. Postmodernistskaya lovushka: put' tuda i obratno. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. 236 s.
22. Epshtein Mikhail. Posle budushchego. O novom soznanii v literature // Znamya. 1991. Yanvar'. № 1. S. 215–230.
23. Epshtein M. N. Vzryv, a ne vskhlip // Epshtein M. N. Vse esse: v 2 t. Iz Ameriki. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. T. 3. S. 477–480.
24. Epshtein M. Budushchee posle «budushchego» // Veer budushchego. Tekhno-gumanitarnyi vestnik pod redaktsiei Mikhaila Epshteina i Aleksromy. URL: http://www.veer.info/01/v1_bud.html (data obrashcheniya: 04.05.2014).
25. Sm., napr.: Gans E. The Post-Millennial Age // Anthropoetics: the Journal of Generative Anthropology. 2000. June, 3. URL: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw209.htm> (data obrashcheniya: 10.04.2014).

Статья поступила в редакцию 13.08.2014